

истина, как творящий источник времени, и творение, как воплощенная истина, создают исток (топос), порождающий генерацию эстетических смыслов. И как исток, творение становится началом истории. А уровень проникновения в историю зависит от мощи творения. Человеческая история и есть история творений, которые, создавая смыслы и в дальнейшем выступая их источником, формируют те топосы, где эти смыслы сохраняются, – язык, текст и культуру. Хайдеггер умолчал, что язык и культура являются сами по себе творениями. Эту мысль очень осторожно поднесла нам последующая философия в лице К. Леви-Строса и М. Фуко, а в самом общем виде, – в лице постструктурализма. Однако привыкшая мыслить на языке мира идей, европейская логоцентрическая культура восприняла этот дар неклассического мышления как неразумную и бессмысленную игру безумного (массового) общества. Тем не менее, очевидно, что эта постмодерная культура – исток новой культуры (вопрос только в том – это исток сожженной пустыни, указанной Ницше, или же эстетического творения, рассмотренного Хайдеггером). Видимо, нужно сделать еще один постфилософский шаг, о котором пишет А. Дугин [1], чтобы увидеть подлинную сущность новоевропейской культуры.

Библиографические ссылки

1. Дугин А. Постфилософия. Три парадигмы в истории мысли / А. Дугин. – М.: Евразийское Движение, 2009. – 744 с.
2. Хайдеггер М. Исток художественного творения / М. Хайдеггер // Работы и размышления разных лет. – М.: Гнозис, 1993. – С. 47–120.
3. Хайдеггер М. Что зовется мышлением? / М. Хайдеггер. – М.: Территория будущего, 2006. – 320 с.
4. Элиаде М. История веры и религиозных идей: от каменного века до элевсинских мистерий / М. Элиаде. – М.: Академический проект, 2009. – 622 с.
5. Элиаде М. Космос и история / М. Элиаде. – М.: Прогресс, 1987. – 312 с.

Надійшла до редколегії 21.12.09

УДК 111.7

В. И. Пронякин

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

ПОЭТИКА В МЕТАФИЗИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ ЯЗЫКА

Розглянуто креативні можливості мови в ході просування людини до здійснення видової мети.

Ключові слова: поетика, метафізика, поетичне мислення, видова мета людини, мова.

Рассмотрены креативные возможности языка в процессе продвижения человека к осуществлению видовой цели.

Ключевые слова: поэтика, метафизика, поэтическое мышление, видовая цель человека, язык.

© Пронякин В. И., 2010

The creative possibilities of the language are considered in process of the moving the humanity in realization of the high species objective.

Keywords: poetics, metaphysics, poetical thinking, high species objective of the humanity, language.

Не так давно в издательстве ДНУ увидела свет монография С. Шевцова «Метафизика и мифология поэтического мышления» (см. [13]). Отличающаяся теоретической глубиной и изысканностью дискурса, книга вызвала общественный интерес и получила ряд благосклонных откликов. Мною также был опубликован материал, в котором излагались размышления относительно прочитанного (см. [9]). Учитывая факт неполноты любой концептуальной реконструкции, попытаюсь (в произвольно-ассоциативном плане) продолжить в предлагаемых здесь заметках дискурсивное «распредмечивание» некоторых существенно важных положений, содержащихся в упомянутой книге.

К перечню таких положений следует отнести, в частности, тезис о том, что поэтическое мышление содержит потенцию метафизики; актуализируясь в действенном артефакте (художественном произведении), поэтосис располагается на смысловом поле фундаментальных мировоззренческих проблем. Поэтическое мышление как действие, пишет С. Шевцов, есть (помимо целого ряда других, не менее важных, перечисляемых автором характеристик) процесс метафорический, переносящий человека в особое понимание и видение бытия, «где мир предстает таким, каков он есть, а не кажется» [13, с. 342]. Думается, что не только поэтосис «как таковой», но и его «метаметафорическое» основание – поэтика – могут быть рассмотрены в качестве базовых феноменов философского смыслотворчества.

Аутентичное видение проблемы предоставляет возможность дискурсивных экспликаций из тех локализованных культурных образований, которые возникают в результате отправления творчески-конструктивных функций языка. Одним из таких образований как раз и является деятельная организация художественной (здесь: поэтической) речи, или поэтика. Со времен Аристотеля она входит в предмет философских интересов – прежде всего как объект изучения креативности мышления.

Метафизическая реконструкция вербальной художественной предметности, актуализированной в преднамеренно-диалогической организации текста, дает чрезвычайно плодотворные результаты. Ведь поэтика – это генетический код («матрица», если угодно) культурной реальности; разгадать этот код – означает ответить на вопрос: как вообще возможно творчество? Рефлексия поэтики раскрывает картину восхождения духа, она обращена к исходным, беспрецедентным (явленным в *замыслах*) принципам сущего. В XX веке такую онтологию духа, основанную на рефлексии художественной конструктивности языка, с небывалой тщательностью разрабатывал М. Хайдеггер. С его точки зрения, чтобы явилось Сущее, бытие должно стать открытым; само бытие не есть сущее: ни бытие, ни сущность вещей не могут быть выведены из Наличного, они должны быть свободно *сотворяемы, полагаемы и даримы*; и вот, бытие открывается, когда «поэт выговорит бытийственное слово»: поэзия есть «установление бытия посредством слова» [12, с. 42]. Итак, реконструируя организацию художественной речи, мы продвигаемся в направлении онтологической

определенности сущего, то есть решаем метафизические задачи. Основная ценность такой реконструкции заключается в том, что она дает возможность воспроизвести онтологию предмета не столько в виде готового результата, но в большей мере – в потенциальном измерении творческой энергии, в стадиях последовательно разворачивающейся *внутренней* («скрытой») гармонии, которая (о чем было известно уже Гераклиту) *сильнее* явленной. Важно здесь также и то, что рефлексия поэтики, как разновидность метафизического философствования, оказывается обреченной на содержательную и методическую семиотичность – с демонстративно обнаженной иерархией структуры, где прагматика и семантика доминируют над синтаксисом.

Метафизичность поэтики обусловлена также тем, что в ее онтологической развернутости актуализируется и ценностное содержание. В ряде существенных черт она демонстрирует смысловую сопряженность с религиозным (христианским) мироощущением, в котором четко выражены тенденции мотивационно-аксиологического универсализма, она ориентирована на эсхатологическую предзаданность смысложизненных установок, ей «от природы» чужды постулаты этического утилитаризма; при этом ее ценностная иерархия определена как достаточно жесткая последовательность антропоморфных целевых корреляций.

Коль скоро в метафизическом мироотношении коррелятивно сопряжены смысловые константы онтологии и аксиологии, то и от рефлексии поэтики мы вправе ожидать конституитивных суждений о характере этих корреляций. Дадим слово поэту: «В антропологическом смысле... человек является существом эстетическим прежде, чем этическим. Искусство поэтому, в частности литература, не побочный продукт видового развития, а ровно наоборот. Если тем, что отличает нас от прочих представителей животного царства, является речь, то литература, и в частности поэзия, будучи высшей формой словесности, представляет собой, грубо говоря, нашу видовую цель» [2, с. 187]. Мы видим, что в трансцендентальном измерении сущего рефлексия здесь (как и «положено») опирается на условие целеоправдания, долженствование не постулируется произвольным волевым актом, а *подчиняется* (телеологически) конструктивной норме: «... эстетика – мать этики; понятия «хорошо» и «плохо» – понятия прежде всего эстетические, предваряющие категории «добра» и «зла». В этике не «все позволено», потому что в эстетике не «все позволено», потому что количество цветов в спектре ограничено» [2, с. 186].

Размышляя над сущностью поэтического мышления, М. Хайдеггер в свое время вынес «за скобки» Гомера, Вергилия, Данте, Шекспира, и *даже* Гете, и обратился к творчеству Гельдерлина, поскольку его поэзией движет специальное поэтическое предназначение — *опоэтизировать сущность поэзии*. По мнению Хайдеггера, Гельдерлин непосредственно «причастен» к процессу, который означен Хайдеггером так: «проживать поэтически»; последнее означает пребывать в присутствии богов и быть затронутым близостью сути вещей. Пребытие в основе своей – «поэтическое»; это означает, что оно как учрежденное (основанное) – не заслуга, а дар. Но ведь язык – это не какой-то инструмент, которым мы располагаем, а такое осуществление события, которое располагает высшими возможностями человеческого бытия. Таким образом, сущность языка должна пониматься из сущности поэзии. Следует, однако, помнить и о том,

что поэзия есть *словесное учреждение бытия*. Поэт не только именуется богов, но именованьем возводит все вещи в то, что они суть. Это именование состоит не в том, что нечто, уже и перед тем известное, просто снабжается каким-то именем, нет, когда поэт произносит существенное слово, сущее этим именованьем впервые словополагается в то, что оно есть. Так оно становится известным в качестве сущего, – резюмировал немецкий мыслитель (см. [12, с. 42]).

Здесь самое время вспомнить известное высказывание М. Хайдеггера о том, что не человек «говорит языком», а язык «говорит человеком». Учитывая факт метафизичности языка, следует трактовать это высказывание как синтетическое суждение априори, но не просто как метафору. Важно также отметить, что свойство бытийности, онтологичности языка особенно отчетливо осознается теми, кто является наиболее совершенными его (языка) «инструментами», то есть поэтами. Поэт «всегда знает, что то, что в просторечии именуется голосом Музы, есть на самом деле диктат языка; что не язык является его инструментом, а он – средством языка к продолжению своего существования» [2, с. 191–192]; в творческом процессе первенство имеет «не человек и состояние его души, которому он ищет выражения, а язык, которым он хочет его выразить. Язык, родина и вместилище красоты и смысла, сам начинает думать и говорить за человека» [7, с. 59]; в поэзии важно только «исполняющее понимание»; семантическая удовлетворенность поэта «равна чувству исполненного приказа» [5, с. 8]; но полнота бытия ощутима лишь в том случае, когда нам доступны все «исходящие данные», – в замыслах, проектах и вариантах: «сохранность черновика – закон сохранения энергетики произведения» [5, с. 56]. – Замечу, кстати, что в свете последнего высказывания по-особому выглядит знаменитое булгаковское: «Рукописи не горят».

Бытийность языка, как деятельного условия поэтического мышления, манифестируется не только семантикой, но и прагматикой: исходно-сущностным, «первоприродным» его (языка) свойством является свойство диалогичности. По мнению С. Шевцова, диалог, как порождающая структура, «демонстрирует открывшееся грекам, а затем отрефлектированное В. Гумбольдтом и подхваченное гуманитарным крылом философии фундаментальное свойство языка – деятельность (*ἐνέργεια*), способную всей силой и мощью акта проговаривания породить мысль, а не быть завершающим продуктом (*ἔργον*) звукового оформления речи. Мысль есть результат усилия речи» [13, с. 184]. Существенно важно также, считает автор, что диалог «со своей топикой и ритмикой как со-бытие, вовлекающее в себя его участников, историчен, содержит как общие конститутивные аспекты, так и особенные, которые в совокупности с первыми обуславливают его единичность, уникальность и подлинно историческую со-бытийность» [13, с. 190]. «Здесь важно понять, – продолжает С. Шевцов, – что именно в самой структуре диалога делает его порождающим основанием, что принуждает слово, попавшее в его пространство, не просто выводить свой смысл в непотаенное, но переливаться новыми семантическими гранями» (там же).

Хочу обратить особое внимание на то, что бытийно-сущий характер содержательных экспликатов, выводимых вербальной метарефлексией, определяется не «технологическими» факторами языковой реконструкции предмета, как может на первый взгляд показаться. Здесь имеет место более глубокая, онтоло-

гическая связь; ее наличие составляет принципиальное условие самой возможности метафизического познания: это – изоморфизм конструктивных констант бытия и мышления, мира и сознания, объекта и субъекта, вещи и смысла. Язык же является «проводящей средой», обеспечивающей осуществление этой связи. На данное обстоятельство указывают и собственно лингвистические науки; так, согласно теории Б. Уорфа, в грамматику каждого языка встроены определенные структурные характеристики мира [14, р. 57]; «язык органически связан с мировоззрением, имеет структурно-семантическую организацию, объективация которой – в зависимости от ее интенсивности – обуславливает изоморфную с ней метафизику бытия; другими словами, язык космогенетичен» [11, с. 9]; (см. также [14, р. 57]). Итак, язык (как сущее) обладает онтологическим измерением, но он же выступает и средством саморефлексии бытия; и бытийно, и рефлексивно язык соотносим с организационными (структурно-упорядочивающими) параметрами миро- и мыслеустройства, и в этой соотнесенности он демонстрирует конституитивно-смысловую универсальность, то есть метафизичность. Можно сказать и так: язык удостоверяет антропологическое в качестве онтологического, придает ему истинносуший статус. Возможности такого удостоверения открывают новый проективный ракурс для осмысления традиционного метафизического вопроса: для чего (или кого) создан мир? Посредством смысловой *о*-значенности язык придает конструктам бытия возможность проявить себя, то есть конституирует их данность в *отношении* (опосредуя значимое и его истолкование; ведь вне отношения нет и смысла (см. [4, с. 69])).

Истинносущность, «данная» культурно-онтологически – символична. Символ, со своей стороны, выступает фундаментальным предметным основанием, ведь предмет должен обладать *реальным* онтологическим статусом, и те элементы его структуры, которые эксплицируются познающим субъектом в качестве исходных, основополагающих, должны отличаться – в отношении интенциональных актов субъекта – принципиальным свойством предзаданности, «предпосланности». Немаловажное значение имеет и уже упоминавшееся: поэзия есть словесное учреждение бытия. И если учесть, что аутентичным бытийным свойством конструктивности вербальных систем является *непреднамеренность организации* («естественность» языка), то в рефлексивном отношении (в ходе *ре*-конструкции предмета) на первый план, напротив, выступают аспекты его целеорганизации, *искусственности* (мир *с*-ложен, так как *со*-творен). Далее, смысловой состав символа («первичного» субстрата онтологии) в рефлексивной проекции выражает себя как *метафора* (образ, художественный конструкт). Итак, онтологически (непреднамеренно) сущая форма конструктивности предмета – это художественная форма, или *поэзия* – в совершенном измерении конструктивности; поэзия, утверждал И. Бродский, – не «лучшие слова в лучшем порядке», а высшая форма существования языка [3, с. 65]; рефлексивно (реконструктивно), в контексте самоосмысления предмета, эта форма есть не что иное, как *поэтика*.

Исходя из сказанного, еще раз можно повторить: рефлексия поэтики есть акт метафизического свойства; благодаря этому акту смысловая модальность

партикулярного порядку (художественный текст) интерполируется в состав универсальной идентичности (культурно-антропологической онтологии).

Возвращаясь к суждению поэта (И. Бродского) «эстетика – мать этики», отмечу его очевидную безусловность для художника слова. Бытийная бесспорность «сущего как сущего» может быть здесь задана двумя путями; во-первых, *метафизически*, то есть она может проистекать из априорного отношения к предмету (тексту), «взятому» в *онтологической* модальности, или – как к форме смыслового предсуществования; во-вторых – путем интеллектуальной экспликации данных когнитивной интроспекции, *апостериорно*: будучи укорененной в глубинных напластованиях житнетворческой деятельности субъекта эстетического мироотношения, она (очевидность) явится результатом трансцендирования содержательных данных *внутреннего опыта* этого субъекта. Оба «пути к очевидности» равноценны, коль скоро они приводят к одному и тому же результату; и все же в стремлении к гармонии субъектом движет не должествование как таковое; напротив, взыскующий гармонии демонстрирует совершенство намерений. И, как в доподлинно метафизическом мироотношении, статусные определения аксиологии дополняются здесь принципиальными (знаково-константными) определениями онтологии; в таком мироотношении горизонт мировидения раскрывается во всеохватывающей развернутости, включающей космологический план бытия; не только целостность человеческого мира, но и мира вообще (Вселенной), устройство их по принципу: «порядок из хаоса» мыслится как следствие целесообразного действия конструктивно-творческой причины; целесообразность же задается эталоном гармонии, красоты, совершенства. Здесь прямо-таки напрашивается платиновское: «Целое – прекрасно, и для его внутренней праведности не может быть никаких препятствий» [8, с. 286].

Уместно подчеркнуть, что метафорическая обусловленность метафизической интенции целого (с артикулированной иерархией структуры, демонстрирующей подчиненность этического эстетическому) не следует разуметь лишь как отстраненно действующую функцию «чистого» пойнсис'а: открытая и осмысленная античностью, эта обусловленность метаморфизировалась в универсальный идентификационный принцип европейского самосознания; согласно данному принципу, бытийное самоустройство человека в мире (да и «бытийность» мира «как такового») нуждается в онтологической *легитимации*, и средством такой легитимации как раз и является искусство. Данный принцип в свое время авторитетным росчерком «заверил» не кто иной, как Ф. Ницше (от метафизической своей генеалогии бывший, скорее, поэт, чем философом или филологом-классиком), заявляя, что «*метафизической* деятельностью человека по существу выставляется искусство, а не мораль...», что «существование мира может быть *оправданно* лишь как эстетический феномен» [6, с. 52].

Действительно, именно метафоричностью обуславливается метафизичность поэтического мироотношения, которое, согласно уже приводимому ранее утверждению С. Шевцова, есть процесс, переносящий человека в особое понимание и видение бытия: здесь мир разумеется таким, каков он *есть*, а не *кажется* (см. [13, с. 342]). В таком понимании и видении предстает изначально предданное человеку неизбывное тождество бытия и мышления, в которое (тождество) рациональная (трансцендентальная) рефлексия вносит впоследствии

неустранимое различие, подвергая символизм смыслодержущего состава этого тождества радикальной редукции. Обусловливая «со-бытийность» пойсисного действия, поэтическое мышление непринужденно придает метафоре не только смысловое расширение «по горизонту», но также при этом выстраивает семиотическую «вертикаль», возвышая образ и одновременно придавая ему глубину; согласно М. Бахтину, образ должен трансформироваться в *символ*; только тогда он будет понят как то, что он *есть*, и как то, что он *обозначает*. (Решая иные задачи, но, по сути, о том же – о смысловой «голографии» метафоры, – говорил М. Фуко, рассуждая примерно так: смысл, который схватывается и непосредственно обнаруживается, может быть, всего лишь скрывает, связывает и, несмотря на все это, передает другой смысл – основной, «глубинный»). Раскрыть и *освоить* эту полиструктурную, данную «от» пойсис'а, многомерность можно, утверждал Бахтин, только с помощью *другого* изоморфного смысла: символа или образа (см. [1, с. 362]). Будучи, я бы сказал, «стереолексической» организацией, пойсис выступает и целью, и средством, и деятельным «учреждением» со-бытийности в диалоге.

Что касается метафизики «как таковой», то ее в не меньшей, в сравнении с поэтикой, степени следует разумеать как сущностную дефиницию человека относительно его видовой идентификации. Потребность в метафизике есть антропологическая, архетипическая потребность: человек – существо метафизическое. Удовлетворяя эту потребность (а можно сказать – утоляя ненасытную метафизическую жажду), человек также продвигается в направлении реализации своей видовой цели, открывая возможность рано или поздно превратиться (а возможно, и не превратиться, если верить Фрейду, а не Фромму) в человека, в существо, отвечающее божественному замыслу о нем, и, по сути – достичь полноты аутентичной идентичности.

Что дает человеку в этом плане метафизика? Она направляет его мотивацию в сторону целостности, гармоничности, иерархичности бытийного устройства; она возбуждает интенцию прекрасного; она научает человека видеть мир в его идеально-конструктивном измерении (ведь в самом же деле существует движение от хаоса к порядку). Такая мотивация принципиально *биофильна*, т. к. *креативна*. И по природе своей (или по божественной воле, кому как нравится) мы не можем отказаться от метафизики. Мы – это человечество именно как *вид*. Как возможно вообразить перспективу человеку: отказаться от познания или искусства? – В ряде программных работ А. Семушкин показал, что не только рациональная философия, но и наука имеет своим источником мифологию (см. [10, с. 36–37; 11, с. 37–40]). Но что такое мифология? Это – виртуально заданная «программа» метафизики (содержащая непредубежденно сформированные фреймы: изоморфизм бытия и мышления, целостность мировидения, включающая возможность гетерогенных, бинарно-амбивалентных, антиномичных смысловых сопряжений, устойчивый ментальный оптимизм, наконец – символизм). В какой-то момент эта программа «запускается», и важную роль тут играет опозитивирование сущности поэзии через *опоэтизирование мифа*. К данному процессу «причастны» не «только» Гельдерлин, но и Гомер, Гесиод, Софокл, Вергилий, Гораций, Данте... Амбивалентно-антиномичную «природу» этого действия опозитивирования проникновенно охарактеризовал Ф. Ницше, утверждавший,

что трагический миф «может быть понят лишь как воплощение в образах дионисической мудрости аполлоническими средствами искусства; он приводит мир явления к тем границам, где последний отрицает самого себя и снова ищет убежища в лоне истинной и единой реальности» [6, с. 145]. – Но также абсолютно очевидно, что никакой метафизики не возникло бы, если бы потребность в ней отсутствовала *ab ovo*.

Равным образом самосущность поэзии можно выразить в антропологической проекции: культурно-онтологическое должно разумеется как нечто «первичное» в отношении действенно-исторического. По мнению И. Бродского, в истории человеческого вида книга, письменность – «феномен антропологический, аналогичный по сути изобретению колеса» [2, с. 188]. И еще: «Язык и, думается, литература – вещи более древние, неизбежные и долговечные, нежели любая форма общественной организации... Одна из заслуг литературы в том и состоит, что она помогает человеку уточнить время его существования, отличить себя в толпе как предшественников, так и себе подобных, избежать тавтологии, то есть участи, известной иначе под почетным именем «жертвы истории» [2, с. 184–185].

Библиографические ссылки

1. **Бахтин М. М.** К методологии гуманитарных наук / М. М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. – М., 1989. – С. 361–373.
2. **Бродский И.** Нобелевская лекция // Набережная неисцелимых / И. Бродский. – М., 1992. – С. 182–194.
3. **Бродский И.** Поэт и проза // Набережная неисцелимых / И. Бродский. – М., 1992. – С. 59–71.
4. **Мамардашвили М. К.** Классический и неклассический идеалы рациональности / М. К. Мамардашвили. – Тбилиси, 1984.
5. **Мандельштам О.** Разговор о Данте / О. Мандельштам. – М., 1967. – С. 7–126.
6. **Ницше Ф.** Рождение трагедии, или Эллинство и пессимизм / Ф. Ницше // Соч.: в 2 т. – М., 1990. – Т. 1.
7. **Пастернак Б. Л.** Доктор Живаго / Б. Л. Пастернак // Новый мир. – 1988. – № 4.
8. **Плотин.** Космогония. – М.; К., 1995.
9. **Пронякин В. И.** К метафизике одухотворенного Логоса (Опыт непредубежденного чтения-размышления над книгой С. В. Шевцова «Метафизика и мифология поэтического мышления. Античность – современность: со-бытийный диалог») / В. И. Пронякин // Грані. – 2009. – № 2(64). Березень/квітень. – С. 143–152.
10. **Семушкин А. В.** Мифологический и эмпирический истоки философского знания / А. В. Семушкин // Историко-философский ежегодник '1990. – М., 1991. – С. 26–38.
11. **Семушкин А. В.** У истоков европейской рациональности / А. В. Семушкин. – М., 1996.
12. **Хайдеггер М.** Гельдерлин и сущность поэзии / М. Хайдеггер // Логос. – 1991. – Вып. 1. – С. 37–47.
13. **Шевцов С. В.** Метафизика и мифология поэтического мышления. Античность – современность: со-бытийный диалог / С. В. Шевцов. – Днепропетровск, 2007.
14. **Whorf В.** Language, Thought and Reality / В. Whorf. – Cambridge, 1956.

Надійшла до редколегії 22.12.09